

УДК 342
ГРНТИ 10.15.01

ЦИФРОВОЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И БУДУЩЕЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ)¹

И.А. КРАВЕЦ,
д.ю.н., профессор; зав. кафедрой
теории и истории государства и
права, конституционного права
Института философии и права
Новосибирского государственного
университета. (г. Алматы,
Казахстан)

В работе обсуждаются вопросы природы цифрового конституционализма как явления отечественного, интеграционного и международно-правового характера в условиях перехода к четвертой промышленной революции (4ПР), в котором сочетаются цифровые, информационные и конституционно-правовые компоненты; как понятие и доктрина цифровой конституционализм соединяет и комбинирует нормативные и содержательные требования конституционализма и информационные, технологические возможности современного общества, электронного государства (электронного правления). Автор раскрывает соотношение информационного общества и современного конституционализма (в российском и сравнительном контексте), роль и значение идей правового государства, господства права, благого и эффективного управления для развития концептуальных и нормативных основ цифрового конституционализма, перспективы использования принципа гетерархии в системе цифрового конституционализма и цифровой правовой среды.

Ключевые слова: цифровой конституционализм, четвертая промышленная революция (4ПР), правовое государство, сильное государство, информационное общество, господство права, благое и эффективное управление, цифровизация, глобализация, конституционная демократия.

Конституционализм на пути к четвертой промышленной революции: перспективы сильного государства, благого (у)правления и конституционной мобилизации

Современные государства вступают в эпоху четвертой промышленной революции (4ПР), развиваются интеллектуальные, технологические, правовые и инструментальные основы информационного общества и электронного государства. В научной литературе исследователи охватывают различные секторы проникновения четвертой

© И. А. Кравец, 2020

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18-011-00761 А). The reported study was funded by RFBR (research project № 18-011-00761 A).

промышленной революции.² Многие страны стоят перед выбором модели освоения технологий промышленной революции. Право и институты благого и эффективного управления («good governance» GG), как и высокоэффективные институты («good institutions»), выступают важной средой и институциональным механизмом обеспечения процветания современных государств.³ По словам Р. Ротберга, «постоянно возвышать свои народы» и обеспечивать их рост – важная задача мировых лидеров,⁴ которые руководствуются доктринами «good governance» и «good institutions». Четвертая промышленная революция соединяет новые технологии и несет новые общественные риски. Такая революция, по мнению экспертов, характеризуется слиянием *физических, цифровых и биологических* технологий; это слияние будет иметь глубокие социальные и экономические последствия. Особенно важно отметить, как признают исследователи, что следующее *поколение нарушений прав человека* поменяет свою природу; такие нарушения будут возникать в результате *транснациональной деловой активности*, они будут становиться *все более незаметными, расплывчатыми (диффузными) и изоциренными*.⁵ Очевидно, что и доктрина благого и эффективного государственного управления будет модифицироваться под воздействием условий четвертой промышленной революции. Новые цифровые правовые формы и информационные каналы распространения должны получить требования, характерные для доктрины и практики «good governance» (GG) и «good institutions» (GI), которые в российской конституционной и государственной лексике могут именоваться доктриной благого и эффективного управления. Для новых независимых государств, возникших на постсоветском геополитическом пространстве, встает непростой выбор формирования и реализации отечественных моделей «good governance» (GG), «good institutions» (GI) нового государственного управления, которые использовались для повышения качества государственных услуг, однако в условиях инновационного развития четвертой промышленной революции требуют определенного пересмотра. Новые независимые государства открыты для разработки отечественных моделей благого и эффективного государственного управления, вырабатывая стандарты правового регулирования различных сфер государственного и общественного развития, социального благополучия, создавая новые формы конституционной и правовой коммуникации в сферах политического участия и публичного управления.

²Rotatori D., Lee E.J., Sleeva Sh. The evolution of the workforce during the fourth industrial revolution, Human Resource Development International. 2020, 19 May. DOI: 10.1080/13678868.2020.1767453; Park S.H., Shin W.S., Park Y.H., Lee Y. Building a new culture for quality management in the era of the Fourth Industrial Revolution, Total Quality Management & Business Excellence. 2017. Vol.28 (9-10). – Pp. 934-945, DOI: 10.1080/14783363.2017.1310703; Trauth-Goik A. Repudiating the Fourth Industrial Revolution Discourse: A New Episteme of Technological Progress, World Futures. 2020, 31 Aug. DOI: 10.1080/02604027.2020.1788357

³Кравец И. А. «Господство права» и «благое управление» как конституционные ценности в публичной сфере и государственном управлении // Журнал российского права. 2019. № 12. – С. 38-58. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.4

⁴Rotberg R. I. Good Governance Means Performance and Results // Governance. 2014. Vol. 27. Iss. 3. P. 511.

⁵Soh Ch., Connolly D. New Frontiers of Profit and Risk: The Fourth Industrial Revolution's Impact on Business and Human Rights, New Political Economy. 2020, 05 Feb. DOI: 10.1080/13563467.2020.1723514

Для целей достижения благого и эффективного управления важны следующие требования: всемерное соблюдение всех прав человека и гарантирование человеческого достоинства в том числе на основе генетического равноправия; гарантирование верховенство права (*supremacy of law*), в том числе для более продуктивного и эффективного участия граждан, легитимность; доступ к информации и свобода ее распространения в рамках соблюдения требований о предупреждении экстремизма и терроризма; эффективный государственный сектор с механизмами предотвращения коррупции; доступность высокотехнологического образования; справедливость в различных сферах публичного и частного характера; особенно важно иметь «стратегии развития, подчеркивая ценности и людей, которые продвигают ответственность, солидарность и терпимость».⁶ Положительный публично-правовой эффект имеет тенденция преодоления низкого участия и невысокого доверия граждан к работе государственных и правовых институтов. Российские и зарубежные ученые не случайно призывают к более активному использованию человеческого фактора для политического вовлечения граждан (в управление делами государства в условиях информационного общества). По мнению Ю.А. Тихомирова, чтобы публичные институты не оставались без поддержки граждан, следует расширять формы политического вовлечения;⁷ а в условиях четвертой промышленной революции гражданам следует доверять и формы конституционной коммуникации для обсуждения, принятия конституционных поправок и конституционного мониторинга работы различных норм и институтов Конституции страны. По мнению исследователя из Индии, «хорошее управление» («*good governance*» (GG)) должно начинаться с низового уровня.⁸ Граждане страны могут иметь свое собственное представление о хорошем и эффективном управлении, поэтому их восприятие государства может содействовать продвижению благого и эффективного управления, социальной справедливости и повышению качества государственных и муниципальных услуг.

Для объяснения роли государства в четвертой промышленной революции для многих современных государств не может пригодиться теория «минимального государства» или теория «невидимой руки рынка». В отличие от доктрины «невидимой руки рынка» завоевывает свои авторитетные позиции другая теория, опираясь на конкретный опыт азиатских государств и особенно Китая. Речь идет о доктрине «видимой руки государства», которая предлагает мощное участие «меркантилистского» государства в создании свободного рынка как общественного блага, обеспечивающего правильную последовательность стадий экономического развития и поддержку взвешенных, целенаправленных реформ и прямого участия центральных и местных органов управления.⁹

⁶Gavriluță V. A. F., Lotos C.-V. Good Governance and the Rule of Law-Major Pillars of Economic Efficiency // *Journal of Public Administration, Finance & Law*. 2018. Vol. 13. P. 125.

⁷Тихомиров Ю. А. Векторы управления в фокусе права // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2019. № 1. – С. 136–137.

⁸Palanithurai G. Good Governance at Grassroots // *The Indian Journal of Political Science*. 2005. Vol. 66. No. 2. P. 291.

⁹Wen Yi., Fortier G.E. The visible hand: the role of government in China's long-awaited industrial revolution // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*, 2019, Vol. 17 (1). Pp. 9-45. DOI: 10.1080/14765284.2019.1582224.

Научное сообщество откликается на процесс вовлечения в эпоху четвертой промышленной революции публикациями и конференциями. Всё ещё недостаточное внимание уделяется перспективам изменения роли и масштабов воздействия права и правовых институтов на различные сферы публичной и частной жизни в условиях четвертой промышленной революции. В частности в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 4-6 апреля 2019 г. состоялся VI Московский юридический форум «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции». (Кутафинские чтения), изданы научные труды форума.¹⁰ Научно-технический прогресс и развитие институтов информационного общества затрагивает конституционно-правовые основы организации и деятельности современного государства; конституционализм и конституционное право оказываются вовлеченными в процесс цифровизации и информатизации общественных отношений. Расширяется понятийный аппарат науки конституционного права; появляются новые терминосистемы, которые охватывают процесс цифровизации и информатизации конституционно-правовых институтов. Эра цифровой революции создает новые цифровые активы, меняет представления о праве и правовых институтах, порождает не только цифровизацию права, но и цифровые формы реализации многих конституционно-правовых институтов. Цифровизация охватывает предпринимательскую деятельность, многие предприниматели внедряют передовые инновации в создание бизнеса, и эти улучшения, в свою очередь, дают необычайный импульс для исследования условий, способствующих компьютеризованному изменению предприятий. Цифровизация требует, чтобы предприниматели получали новую информацию и инновационные возможности, чтобы выжить и процветать в новой компьютеризованной экономике.¹¹ Очевидно, что цифровая реальность поднимается и на конституционный уровень, создавая условия для появления новых гарантий для реализации не только полномочий органов публичной власти, но и прав в сфере предпринимательской и другой не запрещенной законом деятельности, широкой сферы политического участия граждан.

Исследователи из различных государств предлагают осмыслять процесс трансформации права и правовых институтов через такие категории, как «цифровая конституция»,¹² «цифровые права»,¹³ «цифровые конституционные права»,¹⁴ «циф-

¹⁰Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. Материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции. В 3-х частях / Председатель редакционного совета: В.Н. Синюков М.: Издательство проспект, 2019.

¹¹Jawad M., Naz M., Maroof Z. Era of digital revolution: Digital entrepreneurship and digital transformation in emerging economies. *Bus Strat Dev.* 2020. P. 1–2. <https://doi.org/10.1002/bsd2.145>

¹²Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 12. – С. 1076–1077.

¹³Невинский В.В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. – С. 26–32.

¹⁴Кравец И.А. Информационный, цифровой конституционализм и цифровые конституционные права: методологические вопросы понимания и правового регулирования // Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий: сборник докладов. Москва: РГ-Пресс, 2019. – С. 107–111.

ровой конституционализм»,¹⁵ «цифровое конституционное право».¹⁶ Новые вызовы безопасности, стоящие перед современными государствами, порождают потребность переосмысления таких явлений, как сильное государство и правовое государство, появляются синтетические концепции сильного правового государства и правового сильного государства,¹⁷ развитие которых в условиях информационного общества требует новых правовых и цифровых форм политического участия. Появляются исследования о специфике проявления и необходимости новых гарантий для человеческого достоинства в цифровую эпоху.¹⁸

Участие Российской Федерации (как и многих других государств на постсоветском пространстве) в четвертой промышленной революции сопровождается значительными вызовами, которые определены в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 6421.¹⁹ Как отмечено в п. 8 Стратегии, «первенство в исследованиях и разработках, высокий темп освоения новых знаний и создания инновационной продукции являются ключевыми факторами, определяющими конкурентоспособность национальных экономик и эффективность национальных стратегий безопасности». В новых условиях повышается роль науки и технологий, в том числе юридической науки в развитии и правовом обеспечении экономики и национальной безопасности. Право и механизм правового регулирования призван играть обеспечительную роль при реализации национальных целей и стратегических задач развития России на период до 2024 года, к которым относятся среди прочего обеспечение устойчивого естественного роста численности населения РФ; повышение ожидаемой продолжительности жизни; снижение в два раза уровня бедности в РФ; ускорение технологического развития РФ.²⁰ Через два года был издан новый акт главы Российского государства, уточняющий национальные цели развития России

¹⁵Celeste E. Digital constitutionalism: a new systematic theorisation // *International Review of Law, Computers & Technology*. 2019. Vol. 33. Issue 1. Pp. 76–99. DOI: 10.1080/13600869.2019.1562604; Кравец И.А. Способен ли цифровой конституционализм защищать права. Цифровая эпоха для конституционализма: смерть или процветание? // *Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов*. XVII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) и XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ), в 5 ч. Москва: Проспект, 2020. Ч. 2. – С. 13–18.

¹⁶Кравец И.А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 9.

¹⁷Ударцев С.Ф. Сильное правовое государство и новые вызовы безопасности: вопросы теории // *Право и государство*. 2018. № 1-2 (78–79). С. 4.

¹⁸Biber K. Dignity in the digital age: Broadcasting the Oscar Pistorius trial. *Crime, Media, Culture*. 2019, Vol. 15 (3). Pp. 401-422. DOI:10.1177/1741659018780191.

¹⁹О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 // *СЗ РФ*. 2016. № 49. Ст. 6887.

²⁰О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // *СЗ РФ*. 2018. № 20. Ст. 2817.

до 2030 года.²¹ Согласно Указу Президента РФ от 21 июля 2020 г. N 474 следующие национальные цели развития Российской Федерации (далее – национальные цели) на период до 2030 года должны обеспечить «прорывное развитие» страны: а) сохранение населения, здоровье и благополучие людей; б) возможности для самореализации и развития талантов; в) комфортная и безопасная среда для жизни; г) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; д) цифровая трансформация. В новом Указе Президента РФ важное место среди национальных целей занимает «цифровая трансформация», которая предполагает достижение «цифровых целей»: а) достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления; б) увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 процентов; в) рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», до 97 процентов; г) увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 года. Между тем в данном указе ничего не сказано о *цифровом правовом пространстве*, о расширении *цифровых форм политического участия граждан*, о *цифровой правовой коммуникации* и расширении *сфер и гарантий реализации цифровых прав в публичном и частном праве*. Несомненно, что это важные сферы цифровой трансформации, о которых не следует забывать.

Цифровизация конституционализма и цифровое право

Современный конституционализм вариативен как в национальных (внутригосударственных) и территориальных масштабах, так и в границах правовых семей, которые демонстрируют европейские, азиатские, южноафриканские, латиноамериканские правовые и конституционные ценности. Конституционализм как доктрина сопрячен другим взаимосвязанным концепциям: 1) концепции “Rule of Law” («господство право» или «верховенство права»);²² 2) концепции “Rechtsstaat”²³ (немецкой доктрине правового государства, которая нашла отражения во многих современных конституциях, в том числе Конституции РФ 1993 года); 3) концепции “Good Governance” (в российской научной литературе переводится и как «хорошее правление», «надлежащее управление», и как «благое эффективное (у)правление»). Названные концепции в условиях современных государств, различающихся географическим положением, правовой, экономической и политической системами, культурной спецификой имеют нормативные истоки или положения нормативного характера в действующих конституциях; конституционализация названных концеп-

²¹О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 // Официальный интернет-портал правовой информации, 21.07.2020 г. Дата посещения 01.11.2020. <http://www.pravo.gov.ru>

²²Темирбеков Ж. Р. Альберт Венн Дайси и концепция "rule of law" («верховенство права») // Право и государство. 2013. № 1(58). – С. 57–60.

²³Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. Концепции “Rule of Law” (“верховенство права”) и “Rechtsstaat” (“правовое государство”): сравнительный анализ // Государство и право. 2015. № 5. – С. 5–16.

ций отличается уровнем и институционализацией, судебной практикой применения конституционных норм, значительным разнообразием государственной и правовой политики. Писанные конституции и фактические режимы конституционной демократии обеспечивают нормативную основу и релевантные ей общественные отношения в сфере политического господства и демократического участия.

Современные демократические государства создавая конституционные основы для своей деятельности, не могут игнорировать факторы *демократизации, интернационализации, глобализации и цифровизации* общественных отношений, сфер собственной деятельности и процессы политического вовлечения широких слоев граждан в различные сегменты публичного сектора (электоральное участие, общественные советы, совещательная демократия и цифровое участие в получении государственных и муниципальных услуг). Конституционализм с нормативной основой в действующей конституции страны определяет цели и требования, принципы организации публичной власти и некоторые процедуры публично-правового пространства. Во многих государствах и, в частности, в России и Казахстане происходит трансформация конституционализма.²⁴ Возрастает значимость конституций и конституционализма с *телеологических* и *символических* позиций, т.к. усиливается роль *конституционно значимых целей* развития государства и общества, применения принципа соразмерности ограничений прав и свобод; происходит апеллирование конституционных норм и конституционной идеологии к традиционным ценностям, которые не всегда имеют ясное изложение в доктрине и положениях конституции страны.

Развиваются новые доктринальные и нормативные основы *проектного конституционализма* во многих современных государствах. Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (общероссийское голосование 1 июля 2020 года) стал новым примером *проектного конституционализма в России*. Данный закон как нормативная основа поправок к Конституции вызвал обширную дискуссию о правовой природе, значении и целях *проектного конституционализма*. Особенно значимым стал вопрос об *эффективности и популярности проектного конституционализма* как в контексте развития общенациональной и конституционной идентичности, так и применительно к проблеме *долговечности и дальнейшей востребованности* нормативных предписаний проектного конституционализма для целей поддержания имеющейся легитимности публичной власти и перспектив создания новой *конституционной солидарности* и *социального солидаризма*. По мнению Т.Я. Хабриевой, конституционная реформа 2020 г. отражает поиск национальной идентичности, запрос на отражение в Основном законе конституционной самобытности и морально-нравственных ориентиров.²⁵

²⁴Арутюнян Г. Аксиологические особенности трансформационного конституционализма в Казахстане // Право и государство. 2015. № 3 (68). С. 16-18; Бондарь Н.С. Кризис современного конституционализма: в поисках путей преодоления // Право и государство. 2014. № 4 (65). – С. 27-31.

²⁵Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 5. С. 406.

В понимание современного конституционализма уже заложена *многоаспектность* и *поливариантность* концепта и явления. Научные школы конституционной юриспруденции предлагают широкий набор концепций конституционализма, который имеет и географическую специфику, и «национальные одежды и формы» своего существования, и разнообразные подходы к предметной сфере реализации, и интегративные или аналитические, в том числе когнитивные модели нормативного, прескриптивного и дескриптивного характера. Явление мобилизации многогранно и активно используется в современных государствах в отношении разнообразных сфер деятельности. Немаловажно, что появляется эффект *конституционной мобилизации* в условиях *сильного государства*, стремящегося доминировать в публично-правовом пространстве и определять цели для развития общества и граждан. Проведение в жизнь содержания конституционной реформы 2020 в России требует осмысления и феномена *конституционного арт-популизма*, который был эффективно использован в ходе обсуждения поправок в средствах массовой информации с воздействием на широкое общественное сознание роликов с записями известных артистов, деятелей культуры с положительными призывами за поправки. Несомненно, что это наглядный государственный пример конституционной мобилизации арт-популизма. В ходе дальнейшего развития конституционной реформы следует задуматься над вопросами о том, как соединить *право и силу, ожидания и реальную политику, недостаток финансовых и материально-технических средств*, с одной стороны, и *социальное благополучие*, его постоянный рост, с другой.

Цифровизация общественных отношений активно вторгается в сферу права в целом и конституционного права, в частности. В Российской Федерации (как и во многих других государствах) ученые обсуждают новый понятийный ряд, связанный с цифровизацией правовых отношений, с появлением цифрового правового пространства и цифровых прав. Конституционализм и конституционное право, как родовые понятия, дают свое модернизированное имя таким категориям, как «цифровой конституционализм» «цифровая конституция», «цифровые конституционные права»; возникает настоятельная потребность обсуждать с позиций цифровизации перспективы возникновения и развития цифрового конституционного права как явления, сочетающего в своей природе конституционно-правовое содержание и цифровую, информационную форму реализации и развития. В научной дискуссии активное участие принимают теоретики права и государства, представители конституционного и информационного права, других отраслей права, особенно цивилистической направленности в связи со значимой сферой гражданско-правового регулирования цифровых прав.

Наряду с концептами «электронная демократия», «электронное государство», «электронное правление» появляются относительно новые и пока точно не определенные по содержанию и концептуальному наполнению понятия «информационный конституционализм» и «цифровой конституционализм», которые сопричастны современному информационному обществу и четвертой промышленной революции.

В научной юриспруденции назрел для обсуждения вопрос о том, существует ли, появляется цифровое конституционное право? Какова его природа, если существу-

ют конституционные цифровые права? Очевидно, что такие явления не могут быть оценены вне контекста отраслевой правовой специализации. Если появляется цифровое конституционное право, можно ли говорить о перспективах появления цифрового административного, уголовного или гражданского права? Уходят ли отрасли современного права в цифру или цифра становится новой правовой и информационной оболочкой для отраслей права и конституционно-правовых институтов?

На наш взгляд, пока рано говорить о цифровых отраслях права, как завершенном и проработанном проекте; можно ставить вопрос и о цифровых формах права, о цифровых правах в публично-правовой и частноправовой сферах регулирования. Однако в будущем может оказаться вполне закономерным вопрос о цифровом конституционном праве как самостоятельной отрасли правового регулирования. В Российской Федерации и других государствах научная юриспруденция обоснованно обсуждает цифровое конституционное право как новое качество работы конституционно-правовых институтов; как относительно новую цифровую и информационную форму осуществления конституционных прав и свобод, обязанностей личности, отдельных конституционно-правовых институтов, а также компетенционных возможностей органов публичной власти (государства и местного самоуправления), их должностных лиц.

Идентичность цифрового конституционализма

Однако вопрос о правовой природе и характере правового образования, когда мы говорим о цифровом конституционализме и цифровом конституционном праве, находится в *поле непрекращающейся и открытой дискуссии*. Цифровые и информационные технологии используются в различных сферах публично-правового регулирования и работы публично-правовых институтов. Ученые-конституционалисты предлагают более активно использовать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в сфере законотворчества, прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов, оценки их регулирующего воздействия, правового мониторинга.²⁶ Несомненно, что эти вопросы могут приобретать конституционной характер (даже учредительный) при определенных обстоятельствах; они заслуживают включения в предметную область цифрового конституционализма.

В данной работе предпринят научный анализ существующих подходов и изложен авторский взгляд на цифровой конституционализм и взаимосвязанные с ним понятия; систематически излагаются и развиваются концептуальные основы информационного и цифрового конституционализма, намеченные ранее, раскрывается соотношение понятий «информационный конституционализм» и «цифровой конституционализм», формулируются цели и предметные области новых концептов, исходя из активного участия конституционной юриспруденции в освоении и осмыс-

---

²⁶Василевич Г.А. Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 32.

лении информационно-цифрового пространства.²⁷ Когда мы обращаемся к древним или средневековым правовым актам или первым конституциям, мы видим их бумажный, папирусный вариант или иным образом зафиксированный текст. Эти старые тексты во многих случаях переведены в цифровой формат (оцифрованы) с визуальными особенностями написанного текста; они являются правовыми и конституционными артефактами. Если текст отделяется от своей первоначальной бумажной формы, он теряет оригинальное графическое изображение, хотя и сохраняет свое содержание. Современные конституции и правовые акты сразу появляются в цифровой форме и их «рукотворный» характер не имеет текстуально-графических особенностей; цифровизация как бы снимает «рукотворность» с текста конституций и правовых актов, делает их максимально анонимными произведениями юридического искусства (хотя и не всегда искусства).

Следовательно, современное право и конституции как нормативные системы и текстуальные документы давно уже переведены в цифровой формат, имеют электронные версии распространения и хранения как в официальных источниках информации (портал правовой информации),²⁸ так и в иных депозитариях, какими являются справочные, информационные системы «Гарант», «Консультант Плюс» и другие. Цифровые формы распространения и хранения правовых актов и, в частности, конституции, федеральных законов положили начало цифровизации права. Однако, когда речь идет о цифровом конституционализме, вряд ли цифровые формы правовых актов отражают современное представление о данном понятии, хотя без цифровых форм невозможно было бы говорить о цифровизации права и конституции. Цифровизация как процесс, по мнению ученых, способствует трансформации права, выступает важнейшим фактором такой трансформации.²⁹ Цифровизация оказывает воздействие не только на способ хранения и распространения правовой информации (на принципах двоичного кода), но и меняет нормативные, институциональные и организационные требования к гарантиям реализации прав в цифровой среде, к самому каталогу прав и свобод, к способам выражения общественного мнения, учета способов и форм участия граждан в управлении делами государства, к формам прямой и обратной связи между теми, кто оказывает и потребляет государственные и муниципальные услуги. Этот перечень в условиях цифрового и информационного пространства всегда остается открытым для новаций и инноваций технического и правового характера.

²⁷Кравец И.А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9; Кравец И.А. Информационный, цифровой конституционализм и цифровые конституционные права: методологические вопросы понимания и правового регулирования // Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий: сборник докладов. М.: РГ-Пресс, 2019. – С. 107–111.

²⁸Официальный интернет-портал правовой информации. Дата посещения 14.08.2020. <http://www.pravo.gov.ru>

²⁹Саурин А.А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. – С. 26–31.

XX столетие воспринимается как век шестивия конституционализма,³⁰ несмотря на две мировые войны, катаклизмы государственных режимов, ужасы человеческих потерь в концлагерях и на полях сражений, прежде всего потому, что конституционные идеи и принципы правления оказывались восприимчивыми к нуждам и чаяниям народов и целых континентов. Если это так, то XXI столетие претендует на то, чтобы стать *веком цифрового и информационного конституционализма*. Хотя у этой перспективы есть многообещающее начало, будущее пока точно не определено, т.к. цифровая среда может быть использована в различных целях государственными органами и государствами, в том числе и для «цифровой кабалы», а не «цифровой свободы». В значительной степени пока не определена и *территория цифрового конституционализма* с ее границами и бесконечными возможностями. В настоящий период времени идет трудный поиск территории и границ цифрового конституционализма, который подвергает переосмыслению традиционных представлений о конституционализме как правовом явлении.

Не только право в целом (его публичное и частное воплощение), но и конституционализм подвергается цифровизации. Наряду с *конституционной идентичностью* появляется *цифровая идентичность*; обе идентичности образуют *симбиоз в цифровом конституционализме*. Понятие «идентичность» широко используется в современных исследованиях, как и для идентификации личности в различных публичных и частных контекстах. Идентификация цифрового конституционализма происходит на наших глазах, хотя точно не определены его признаки, как и само понятие «цифровой конституционализм». Идентичность цифрового конституционализма отличается как от конституционной идентичности, так и от цифровой идентичности. Цифровая идентичность исследуется прежде всего с позиций ее правовой природы и роли в коммерческих сделках.³¹ Исследователи отмечают, анализируя Закон Соединенного Королевства об удостоверениях личности (United Kingdom Identity Cards Act) и Билль об австралийских картах доступа (Australian Access Card Bill), что появляется «отдельная правовая концепция индивидуальной идентичности», которая включает «новую концепцию транзакционной идентичности». По мнению Клэр Салливан, «хотя концепция транзакционной идентичности, состоящая из определенного набора информации, использовалась в коммерческой практике в течение многих лет, ее присутствие в законодательстве, устанавливающем национальную схему идентификации, которая будет использоваться организациями государственного и частного секторов для ряда транзакций, подтверждает его появление в качестве отдельной правовой концепции».³²

Цифровая идентичность – следствие широко используемой цифровой идентификации, под которой понимается оцифровка идентифицирующих признаков личнос-

³⁰Merhof, Katrin. Building a bridge between reality and the constitution: The establishment and development of the Colombian Constitutional Court // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13, issue 3. P. 714, <https://doi.org/10.1093/icon/mov043>

³¹Sullivan, Clare. Digital Identity: An Emergent Legal Concept. The role and legal nature of digital identity in commercial transactions. Australia: University of Adelaide Press, 2011.

³²Там же. P. 5-6.

ти, использование в электронном формате технологий биометрической идентификации, применение цифровых идентификаторов с геолокацией в режиме реального времени. Цифровая идентификация применяется во многих секторах (банковской, торгово-коммерческой и др.) деятельности, на портале государственных услуг и др. Она предполагает существование некоторых гарантий, направленных на свободу выбора и минимизацию объема хранимых данных: а) децентрализацию для цифровой безопасности; б) обязательное согласие личности (владельца персональных данных) на цифровую идентификацию; в) ограниченный доступ к персональным данным; г) транспарентность для повышения ответственности и предотвращения злоупотреблением информацией о персональных данных.

Обращаясь к понятию «цифровой конституционализм», очевидно, необходимо идентифицировать в «цифровом ключе» личность, которая будет использовать свои конституционные права или юридические процедуры участия в конституционной сфере. Следовательно, необходимо вводить понятие «цифровая идентификация личности в конституционных коммуникациях»; в настоящее время цифровая идентификация личности в основном осуществляется (для использования избирательных прав, мобильный избиратель) через портал государственных услуг. Представляется важным иметь единое легальное (а не только доктринальное) понятие и технические средства для цифровой идентификации личности в конституционных коммуникациях. Размышления приводят нас к двум основным вариантам. 1) Возможно создание специального портала конституционных коммуникаций и конституционных инициатив с цифровой идентификацией граждан. 2) Портал государственных услуг может иметь специальную опцию о конституционных коммуникациях и конституционных инициативах. Оба варианта допустимы, в первом из них автономность работы портала соответствует целевым и техническим возможностям; во втором варианте аккумулируются на едином портале различные виды государственных услуг, в том числе в сфере конституционной коммуникации и конституционных инициатив.

Фактическое использование цифровой идентичности значительно шире в современном информационном и цифровом пространстве, чем то внимание, которое ей уделяется в научных исследованиях российских авторов. Современное конституционное право и конституционализм стали обращать внимание на цифровую идентичность личности и цифровизацию конституционно-правовых институтов сравнительно недавно. Цифровая идентичность предполагает создание виртуальной личности в сетевом пространстве. Такая личность становится идентификатором для входа в систему (user name, login), прозвище или псевдоним (nickname), заменитель имени человека (идентификационный номер), разные типы компьютерных программ, моделирующих личность и разумное поведение, собственно вымышленная личность (virtual character, virtual persona) или даже образ личности, как она воспринимается или моделируется другими.³³ Различные формы участия личности в проце-

³³Конева А. В. «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2018. № 1. С. 58.

дурах реализации конституционных прав в цифровом и информационном пространстве выдвигают на первый план проблему создания единого идентификационного номера для каждого гражданина или единого портала (сегмента существующего портала государственных услуг) для целей идентификации и осуществления различных конституционных коммуникаций. Очевидно, мы должны говорить о понятии «цифровая конституционная идентификация личности».

Цифровая идентификация личности для целей реализации конституционных прав и свобод, конституционных инициатив в цифровом пространстве потенциально содержит угрозу тотального контроля за политико-правовыми проявлениями намерений и действиями граждан. Поэтому цифровой конституционализм предполагает акцент и значительное внимание нормативным и институциональным гарантиям реализации прав; он должен предусматривать специальные правовые и процедурные средства защиты граждан от тотального контроля за конституционным и политическим волеизъявлением.

В международном плане можно отметить, что современный конституционализм испытывает трудности глобального роста и находится под влиянием сочетающихся, но разновекторных тенденций: 1) *конституционной глобализации*, которая усиливает влияние конституционных принципов и институтов на национальное конституционное право, на международный правопорядок, на выработку стратегии развития международного публичного права и глобального управления; 2) *конституционная автономизация* стран, отдельных регионов и территорий, которая претендует на нормативное и институциональное поддержание и культивирование исключительности, самобытности в конституционной сфере.

Обе тенденции не являются автономными и независимыми друг от друга; они взаимодействуют, в результате чего появляется феномен «*конституционного глокализма*», который вмещает и локализацию конституционного глобализма, и некоторую глобализацию отдельных национальных конституционных принципов и институтов, их транспонирование от национального и государственного уровня на наднациональный и международный уровни. Отмеченные тенденции влияют и на конституционную идентичность, и определяют в значительной степени параметры цифрового конституционализма. Если одни исследователи говорят о появлении моделей конституционной идентичности в различных странах под влиянием процессов глобализации;³⁴ то другие выявляют определенное соперничество и взаимное влияние таких явлений, как глобализм и локализм на идентичность; констатируют эффект «локализации глобализации» / «local globe»; или «глокализации».³⁵ Во всяком случае стоит прислушаться к мнению тех, кто отмечает определенный процесс конвергенции моделей конституционной идентичности: наличие «систематических закономерностей глобальной конституционной идентичности», которые не исключают, а наоборот соединяют разнонаправленные процессы: конвергенцию,

³⁴Bui, Son N. Globalization of Constitutional Identity // Washington International Law Journal. 2017. Vol. 26(3). – Pp. 463–533.

³⁵O’Riordan, Tim. (ed.) Globalism, Localism and Identity. Fresh Perspectives on the Transition to Sustainability. London and Sterling, VA: Earthscan Publications, 2001. P. XIX.

дивергенцию, или поляризацию конституционно наблюдаемых моделей, которые «могут становиться все более схожими или разнородными».³⁶

Следовательно, формирование концепта, а также теории «цифровой конституционализм» находится под воздействием процессов *конституционной глобализации* (и, в частности, попыток создать конституцию Интернета), и процессов *конституционной автономизации*, которые связаны с сохранением и обеспечением государственного суверенитета в цифровой и информационной среде, ограничением использования цифровых технологий для целей конституционных коммуникаций.

Таким образом, можно обозначить несколько важнейших сфер формирования цифрового конституционализма в перспективе четвертой промышленной революции и развитии информационного общества: 1) сфера конституционной коммуникации на общенациональном уровне и использование цифровых и информационных технологий для обсуждения, принятия и мониторинга конституционных поправок и конституционных изменений; 2) сфера развития цифровых конституционных прав и цифровых прав в публичной сфере для более активного вовлечения граждан в участие в государственном управлении; 3) сфера предоставления государственных и муниципальных услуг с использованием цифровых и информационных технологий; 4) сфера конституционных инициатив граждан, их объединений с применением цифровых и информационных технологий и институтов делиберативной демократии.

Цифровой конституционализм благодаря возможностям цифровых и информационных технологий имеет перспективу превращения в *сетевой конституционализм* (с национальными, интеграционными и международными сферами действия и ограничениями), в котором применяется в определенной последовательности принцип гетерархии. Данный принцип сопричастен понятию «гетерархия ценностей»; данное понятие «гетерархия ценностей» было введено в работе нейропсихолога и кибернетика Уоррена МакКаллока «Гетерархия ценностей, обусловленная топологией нервных сетей» в 1945 году.³⁷ Цифровой конституционализм соединяет принцип гетерархии в информационной сфере и дополняет представления об иерархическом порядке в классическом юридическом конституционализме, благодаря чему увеличивается и сфера охвата конституционной коммуникацией различных сегментов общества и повышается степень вовлечение граждан и их объединений в среду конституционной коммуникации.

И.А. Кравец, Новосибирск мемлекеттік университетінің Философия және құқық институтының мемлекет пен құқықтың теориясы және тарихы кафедрасының меңгерушісі, з.ғ.д., профессор (Новосибирск қ., Ресей): Цифрлық конституционализм және ақпараттық қоғамның болашағы (жаһандану және интеграциялық үдерістер контекстінде).

³⁶Law, David S., Versteeg, Mila. The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // California Law Review. 2011. Vol. 99 (5). Pp. 1171.

³⁷McCulloch, Warren S. A Hierarchy of Values Determined by the Topology of Nervous Nets // Warren S. McCulloch, Michael A. Arbib, Jerome Y. Lettvin, Seymour A. Papert. Embodiments of Mind. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 2016. – P. 39–45. (488 pp.).

Жұмыста цифрлық конституционализм табиғаты цифрлық, ақпараттық және конституциялық-құқықтық компоненттер біріктірілген төртінші өнеркәсіптік революцияға (4ӨР) өту жағдайындағы отандық, интеграциялық және халықаралық-құқықтық сипаттағы құбылыс ретінде талқыланады, цифрлық конституционализм ұғымы мен доктринасы конституционализмнің нормативтік және мазмұндық талаптары мен қазіргі қоғамның, электрондық мемлекеттің (электрондық басқарудың) ақпараттық және технологиялық мүмкіндіктерін қалай біріктіретіні және қиыстыратыны көрсетіледі.

Автор цифрлық конституционализмнің тұжырымдамалық және нормативтік негіздерін дамыту үшін ақпараттық қоғам мен қазіргі конституционализмнің (ресейлік және салыстырмалы контексте) арақатынасын, құқықтық мемлекет, заңның үстемдігі, игі және тиімді басқару идеяларының рөлі мен маңызын, гетерархия қағидатын цифрлық конституционализм және цифрлық құқықтық орта жүйесінде қолдану перспективаларын ашады.

Тірек сөздер: цифрлық конституционализм, төртінші өнеркәсіптік революция (4ӨР), құқықтық мемлекет, күшті мемлекет, ақпараттық қоғам, құқықтың үстемдігі, игі және тиімді басқару, цифрландыру, жаһандану, конституциялық демократия.

Kravets Igor' Aleksandrovich, Head of the Chair of Theory and History of State and Law and Constitutional Law of Novosibirsk State University, doctor of juridical sciences, professor: Digital constitutionalism and the future of the information society (in the context of globalization and integration processes).

The paper discusses the nature of digital constitutionalism as a phenomenon of the domestic, integration and international legal order in the transition to the fourth industrial revolution (4IR), which combines digital, informational and constitutional-legal components; as a concept and doctrine, digital constitutionalism connects and converges the normative and substantive requirements of constitutionalism and the informational, technological capabilities of modern society, the electronic state (e-government). The article reveals the relationship between the information society and modern constitutionalism (in the Russian and comparative context), the role and significance of the ideas of the rule of law, legal state, good and effective governance for the development of the conceptual and normative foundations of digital constitutionalism, the prospects for using the principle of heterarchy in the system of digital constitutionalism and digital legal environment.

Key words: digital constitutionalism, fourth industrial revolution (4IR), rule of law, strong state, information society, legal state, good and effective governance, digitalization, globalization, constitutional democracy.

Библиография:

1. Biber K. Dignity in the digital age: Broadcasting the Oscar Pistorius trial // Crime, Media, Culture. 2019, Vol. 15 (3). – Pp. 401-422. DOI:10.1177/1741659018780191.

2. Bui, Son N. Globalization of Constitutional Identity // *Washington International Law Journal*. 2017. Vol. 26(3). – Pp. 463–533.
3. Celeste E. Digital constitutionalism: a new systematic theorisation // *International Review of Law, Computers & Technology*. 2019. Vol. 33. Issue 1. – Pp. 76–99, DOI: 10.1080/13600869.2019.1562604.
4. Gavriluță V. A. F., Lotos C.-V. Good Governance and the Rule of Law-Major Pillars of Economic Efficiency // *Journal of Public Administration, Finance & Law*. 2018. Vol. 13.
5. Jawad M., Naz M., Maroof Z. Era of digital revolution: Digital entrepreneurship and digital transformation in emerging economies // *Bus Strat Dev*. 2020. – Pp. 1–2. <https://doi.org/10.1002/bsd2.145>.
6. Law, David S., Versteeg, Mila. The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // *California Law Review*. 2011. Vol. 99 (5).
7. McCulloch, Warren S. A Heterarchy of Values Determined by the Topology of Nervous Nets // Warren S. McCulloch, Michael A. Arbib, Jerome Y. Lettvin, Seymour A. Papert. *Embodiments of Mind*. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 2016. – Pp. 39–45.
8. Merhof, Katrin. Building a bridge between reality and the constitution: The establishment and development of the Colombian Constitutional Court // *International Journal of Constitutional Law*. 2015. Vol. 13, issue 3, <https://doi.org/10.1093/icon/mov043>.
9. O'Riordan, Tim. (ed.) *Globalism, Localism and Identity. Fresh Perspectives on the Transition to Sustainability*. London and Sterling, VA: Earthscan Publications, 2001.
10. Palanithurai G. Good Governance at Grassroots // *The Indian Journal of Political Science*. 2005. Vol. 66, № 2. Pp. 289–312.
11. Park S.H., Shin W.S., Park Y.H., Lee Y. Building a new culture for quality management in the era of the Fourth Industrial Revolution // *Total Quality Management & Business Excellence*. 2017. Vol. 28 (9-10). – Pp. 934-945, DOI: 10.1080/14783363.2017.1310703.
12. Rotatori D., Lee E.J., Sleeva Sh. The evolution of the workforce during the fourth industrial revolution // *Human Resource Development International*. 2020, 19 May. DOI: 10.1080/13678868.2020.1767453.
13. Rotberg R. I. Good Governance Means Performance and Results // *Governance*. 2014. Vol. 27. Iss. 3. – Pp. 511–518.
14. Soh Ch., Connolly D. New Frontiers of Profit and Risk: The Fourth Industrial Revolution's Impact on Business and Human Rights // *New Political Economy*. 2020, 05 Feb. DOI: 10.1080/13563467.2020.1723514.
15. Sullivan, Clare. *Digital Identity: An Emergent Legal Concept. The role and legal nature of digital identity in commercial transactions*. Australia: University of Adelaide Press, 2011.
16. Trauth-Goik A. Repudiating the Fourth Industrial Revolution Discourse: A New Episteme of Technological Progress // *World Futures*. 2020, 31 Aug. DOI: 10.1080/02604027.2020.1788357.
17. Wen Yi., Fortier G.E. The visible hand: the role of government in China's long-awaited industrial revolution // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*, 2019, Vol. 17 (1). – Pp. 9-45. DOI: 10.1080/14765284.2019.1582224.

18. Арутюнян Г. Аксиологические особенности трансформационного конституционализма в Казахстане // Право и государство. 2015. № 3 (68). – С. 16-18.
19. Бондарь Н.С. Кризис современного конституционализма: в поисках путей преодоления // Право и государство. 2014. № 4 (65). – С. 27-31.
20. Василевич Г.А. Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8.
21. Конева А. В. «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2018. № 1.
22. Кравец И. А. «Господство права» и «благое управление» как конституционные ценности в публичной сфере и государственном управлении // Журнал российского права. 2019. № 12. – С. 38-58. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.4.
23. Кравец И.А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. – С. 9-15.
24. Кравец И.А. Информационный, цифровой конституционализм и цифровые конституционные права: методологические вопросы понимания и правового регулирования // Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий: сборник докладов. Москва: РГ–Пресс, 2019. – С. 107-111.
25. Кравец И.А. Способен ли цифровой конституционализм защищать права. Цифровая эпоха для конституционализма: смерть или процветание? // Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов. XVII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) и XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ), в 5 ч. Москва: Проспект, 2020. Ч. 2. – С. 13-18.
26. Невинский В.В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. – С. 26–32.
27. Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. Материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции. В 3-х частях / Председатель редакционного совета: В.Н. Синюков М.: Издательство Проспект, 2019.
28. Саурин А.А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. – С. 26–31.
29. Темирбеков Ж.Р. Альберт Венн Дэйси и концепция "rule of law" («верховенство права») // Право и государство. 2013. № 1(58). – С. 57-60.
30. Тихомиров Ю. А. Векторы управления в фокусе права // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 1. – С. 136–137.
31. Ударцев С.Ф. Сильное правовое государство и новые вызовы безопасности: вопросы теории // Право и государство. 2018. № 1-2 (78-79).

32. Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. Концепции “Rule of Law” (“верховенство права”) и “Rechtsstaat” (“правовое государство”): сравнительный анализ // Государство и право. 2015. № 5. – С. 5–16.

33. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 5.

34. Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 12.

References (transliterated):

1. Arutiunian G. Aksiologicheskie osobennosti transformatsionnogo konstitutsionalizma v Kazahstane // Pravo i gosudarstvo. 2015. № 3 (68). – S. 16-18.

2. Biber K. Dignity in the digital age: Broadcasting the Oscar Pistorius trial // Crime, Media, Culture. 2019, Vol. 15 (3). – Pp. 401-422. DOI:10.1177/1741659018780191.

3. Bondar' N.S. Krizis sovremennogo konstitutsionalizma: v poiskah putei preodoleniia // Pravo i gosudarstvo. 2014. № 4 (65). – S. 27-31.

4. Bui, Son N. Globalization of Constitutional Identity // Washington International Law Journal. 2017. Vol. 26(3). – Pp. 463–533.

5. Celeste E. Digital constitutionalism: a new systematic theorisation // International Review of Law, Computers & Technology. 2019. Vol. 33. Issue 1. – Pp. 76–99, DOI: 10.1080/13600869.2019.1562604.

6. Gavriliuță V. A. F., Lotos C.-V. Good Governance and the Rule of Law-Major Pillars of Economic Efficiency // Journal of Public Administration, Finance & Law. 2018. Vol. 13.

7. Habrieva T.I.A. Konstitutsionnaia reforma v Rossii: v poiskah natsional'noi identichnosti // Vestnik RAN. 2020. Т. 90. № 5.

8. Jawad M., Naz M., Maroof Z. Era of digital revolution: Digital entrepreneurship and digital transformation in emerging economies // Bus Strat Dev. 2020. – Pp. 1–2. <https://doi.org/10.1002/bsd2.145>.

9. Koneva A. V. «Tsifrovaia identichnost'»: protsessy identifikatsii i reprezentatsii v setevoi kommunikatsii // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. 2018. № 1.

10. Kravets I. A. «Gospodstvo prava» i «blagoe upravlenie» kak konstitutsionnye tsennosti v publichnoi sfere i gosudarstvennom upravlenii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2019. № 12. – S. 38–58. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.4.

11. Kravets I.A. Informatsionnyi i tsifrovoy konstitutsionalizm i konstitutsionnye obshchestvennye initsiativy v usloviiah rossiiskogo pravovogo prostranstva // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2020. № 9. – S. 9–15.

12. Kravets I.A. Informatsionnyi, tsifrovoy konstitutsionalizm i tsifrovye konstitutsionnye prava: metodologicheskie voprosy ponimaniia i pravovogo regulirovaniia // Institut upolnomochennykh po pravam cheloveka v sisteme konstitutsionnykh garantii: sbornik dokladov. Moskva: RG–Press, 2019. – S. 107–111.

13. Kravets I.A. Sposoben li tsifrovoy konstitutsionalizm zashchishchat' prava. Tsifrovaia epoha dlia konstitutsionalizma: smert' ili protsvetanie? // Prava i obiazannosti grazhdanina i publichnoi vlasti: poisk balansa interesov. XVII Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia (Kutafinskie chteniia) Moskovskogo gosudarstvennogo iuridicheskogo universiteta imeni O. E. Kutafina (MGIUA) i XX Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia iuridicheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova (MGU), v 5 ch. Moskva: Prospekt, 2020. Ch.2. – S. 13–18.

14. Law, David S., Versteeg, Mila. The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // California Law Review. 2011. Vol. 99 (5).

15. McCulloch, Warren S. A Hierarchy of Values Determined by the Topology of Nervous Nets // Warren S. McCulloch, Michael A. Arbib, Jerome Y. Lettvin, Seymour A. Papert. Embodiments of Mind. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 2016. – Pp. 39–45.

16. Merhof, Katrin. Building a bridge between reality and the constitution: The establishment and development of the Colombian Constitutional Court // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13, issue 3, <https://doi.org/10.1093/icon/mov043>.

17. Nevinskii V.V. «Tsifrovye prava» cheloveka: sushchnost', sistema, znachenie // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2019. № 10. – S. 26–32.

18. O'Riordan, Tim. (ed.) Globalism, Localism and Identity. Fresh Perspectives on the Transition to Sustainability. London and Sterling, VA: Earthscan Publications, 2001.

19. Palanithurai G. Good Governance at Grassroots // The Indian Journal of Political Science. 2005. Vol. 66, № 2. – Pp. 289–312.

20. Park S.H., Shin W.S., Park Y.H., Lee Y. Building a new culture for quality management in the era of the Fourth Industrial Revolution // Total Quality Management & Business Excellence. 2017. Vol. 28 (9-10). – Pp. 934-945. DOI: 10.1080/14783363.2017.1310703.

21. Rossiiskaia pravovaia sistema v usloviiah chetvertoi promyshlennoi revoliutsii. Materialy VI Moskovskogo iuridicheskogo foruma XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 3-h chastiah. / Predsedatel' redaktsionnogo soveta: V.N. Siniukov M.: Izdatel'stvo prospekt, 2019.

22. Rotatori D., Lee E.J., Sleeva Sh. The evolution of the workforce during the fourth industrial revolution // Human Resource Development International. 2020, 19 May. DOI: 10.1080/13678868.2020.1767453.

23. Rotberg R. I. Good Governance Means Performance and Results // Governance. 2014. Vol. 27. Iss. 3. – Pp. 511–518.

24. Saurin A.A. TSifrovizatsiia kak faktor transformatsii prava // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2019. № 8. – S. 26–31.

25. Shahrai S. M. Tsifrovaia konstitutsiia. Osnovnye prava i svobody lichnosti v total'no informatsionnom obshchestve // Vestnik RAN. 2018. T. 88. № 12. – S. 1076–1077.

26. Soh Ch., Connolly D. New Frontiers of Profit and Risk: The Fourth Industrial Revolution's Impact on Business and Human Rights // New Political Economy. 2020, 05 Feb. DOI: 10.1080/13563467.2020.1723514.

27. Sullivan, Clare. Digital Identity: An Emergent Legal Concept. The role and legal nature of digital identity in commercial transactions. Australia: University of Adelaide Press, 2011.

28. Temirbekov Zh. R. Al'bert Venn Daisi i kontseptsiiia "rule of law" («verhovenstvo prava») // Pravo i gosudarstvo. 2013. № 1(58). – S. 57-60.

29. Tihomirov IU. A. Vektory upravleniia v fokuse prava // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia. 2019. № 1. – S. 136–137.

30. Trauth-Goik A. Repudiating the Fourth Industrial Revolution Discourse: A New Episteme of Technological Progress // World Futures. 2020, 31 Aug. DOI: 10.1080/02604027.2020.1788357.

31. Udartsev S.F. Sil'noe pravovoe gosudarstvo i novye vyzovy bezopasnosti: voprosy teorii // Pravo i gosudarstvo. 2018. № 1-2 (78-79).

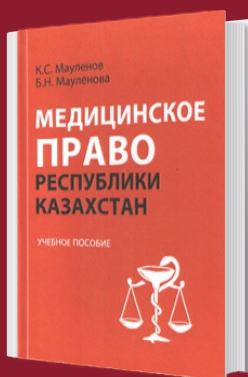
32. Udartsev S.F., Temirbekov Zh.R. Kontseptsii “Rule of Law” (“verhovenstvo prava”) i “Rechtsstaat” (“pravovoe gosudarstvo”): sravnitel'nyi analiz // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 5. – S. 5–16.

33. Vasilevich G.A. Tsifrovizatsiia prava kak sredstvo povysheniia ego effektivnosti // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2019. № 8.

34. Wen Yi., Fortier G.E. The visible hand: the role of government in China's long-awaited industrial revolution // Journal of Chinese Economic and Business Studies, 2019, Vol. 17 (1). – Pp. 9-45. DOI: 10.1080/14765284.2019.1582224.

Для цитирования и библиографии: Кравец И.А. Цифровой конституционализм и будущее информационного общества (в контексте глобализации и интеграционных процессов) // Право и государство. 2020. № 3-4. – С. 85-104. DOI: 10.51634/2307-5201_2020_34_85

Материал поступил в редакцию 08.12.2020.

НОВЫЕ КНИГИ

Мауленов К.С., Мауленова Б.М. Медицинское право Республики Казахстан: учебное пособие. Алматы: Қазақ университеті, 2019. – 206 с.

ISBN 978-601-04-3881-1

В учебном пособии рассматриваются вопросы: понятие и система медицинского права, правовые основы организации здравоохранения в республике, правовые вопросы системы здравоохранения и организации медицинской помощи, защита прав пациентов и медицинских работников по законодательству республики, правонарушения и юридическая ответственность медицинских работников по законодательству Республики Казахстан и другие.

Учебное пособие предназначено студентам, магистрантам, докторантам и преподавателям юридических и медицинских вузов, научным работникам и специалистам правоохранительных органов, учреждений здравоохранения, а также всем интересующимся проблемами юридического обеспечения медицинской деятельности.